

Саша Чёрный

Корнет-лунатик

*Часть сборника
Избранная проза*

Саша Чёрный
Корнет-лунатик
Серия «Солдатские сказки»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156836
Избранная проза: Эксмо; Москва; 2005
ISBN 5-699-14284-3

Аннотация

«Кому что, а нашему батальонному первое дело – театры крутить. Как из году в год повелось, благословил полковой командир на Масленую представлять. Прочих солдат завидки берут, а у нас в первом батальоне лафа. Потому батальонный, подполковник Снегирев, начальник был с амбицией: чтоб всех ахтеров-плотников-плясунов только из его первых четырех рот и набирали. А прочие – смотри-любуйся, в чужой котел не суйся...»

Саша Чёрный

Корнет-лунатик

Кому что, а нашему батальонному первое дело – театры крутить. Как из году в год повелось, благословил полковой командир на Масленую представлять. Прочих солдат завидки берут, а у нас в первом батальоне лафа. Потому батальонный, подполковник Снегирев, начальник был с амбицией: чтоб всех ахтеров-плотников-плясунов только из его первых четырех рот и набирали. А прочие – смотри-любуйся, в чужой котел не суйся.

Само собой, кто в список попал, послабление занятий. Взводный уж тебя на ружейных приемах не засушит, пальчики коротки. И вообще, жизнь свежая, будто вольного духу хлебнешь. Лимонад-фиалка...

* * *

Словом сказать, столовый барак весь в ельнике, лампы-молнии горят, передние скамьи коврами крыты, со всех офицерских квартир понашарпали. Впереди полковые барыни да господа офицеры. Бригадный генерал с полковым командиром в малиновых креслах темляки покусывают. А за скамьями – солдатское море, голова к голове, как арбузы на ярмарке. Глаза блестят, носами посапывают – интересно.

А на помосте – кипит... Вольноопределяющий – подсказчик из собачьей будки шипит-поддает. Да и поддает для проформы, потому рольки назубок раздраконены, аж сам батальонный удивлялся. «Ах, – говорит, – и сволочи у меня, лучше и быть нельзя».

Все, само собой, в вольном платье: кто барином в крахмале, кто купцом пузастым, кто служающим половым-шестеркой. Бабы рольки тоже все свои сполняли. Прямо удивления достойно... Другой обалдуй в роте последний человек, сам себе на копыта наступает, сборку-разборку винтовки, год с ним отделенный бьется, – ни с места. А тут так райским перышком и летает, – ручку в бок, бровь в потолок, откуда взялось...

А всех чище вестовой батальонного командира, Алеша Гусаков, разделявал. Барыньку представлял, которая сама себя не понимала: то ли хрену ей с медом хочется, то ли в монастырь идти. То к одному, то к другому тулится, мужа своего, надо быть, для поднятия супружеской любви, дразнила... Мужчины за ей, конечно, как сибирские коты, так табуном и ходят. Ей что ж... Пожевать да выплюнуть. Плечиком передернет, слово с поднамеком бросит, аж весь барак от хохота трясется. Бригадный генерал слезы батистом утирает, полковой командир ручкой отмахивается, батальонный уж и смеху лишился – только хрюкает. А адъютант полковой столбом встал и все взад оборачивается, солдатам знак подает:

– Тише вы, дуботолки, из-за вас никакой словесности не

слышно.

Чистая камедь... Как развязка-то развязалась, – барин в густых дураках оказался, на коленки пал. А Алешка Гусаков в бюстах себе рюшку поправляет, сам в публику подмигивает, – прямо к полковому командиру рыло поворотил, – смелый-то какой, сукин кот... Расхлебали, стало быть, всю кашу, занавеску с обеих сторон стянули, – плеск, грохот, полное удовольствие.

Ну, тут батальонный по-за сцену продрался, Алешку в свекольную щеку чмокнул, руками развел:

– Эх, Алешка! Был бы ты, как следует, бабой, чичас бы тебя на свой счет в Питербург на императорский театр отправил... В червонцах бы купался. Не повезло тебе, ироду, родители подгадили...

* * *

Камедь отвалияли, вертисмент пошел. Каждый, как умеет, свое вертит. Солдатик один на балалайке «Коль славен» сыграл до того ладно, будто мотылек по невидимой цитре крылом прошелестел. Барабанщик Бородулин дрессированного первой роты кота показывал: колбаску ему перед носом положил, а кот отворачивается – благородство свое доказывает. А как в барабан Бородулин грянул, кот колбаску под себя и под раскатную дробь всю ее, как есть, с веревочкой слопал. Опосля на игрушечного конька влез, Бородулин перед ним

церемониальный марш печатает, а кот лапкой по усам себя мажет, – парад принимает. Так все и легли...

Между прочим, и Алешка Гусаков номер свой показал: как сонной барыне за пазуху мышшь попала... Полковница наша в первом ряду так киселем и разливается, только грудку рукой придерживает... Кнопки на ней все прочь отлетели, до того номер завлекательный был.

Потом то да се, – хором спели с присвистом:

Отчего у вас, Авдотья,
Одеяльце в табачке?

Гусаков за Авдотью невинным фальшщетом отвечает. Хор ему поперек другой вопрос ставит, а он и еще погуще... С припеком.

Батальонный только за голову хватается, а некоторые барыни, – ничего, в полрукава закрываются, иначе не уходят...

Кончилось представление. Господа офицеры с барыньками в собрание повзводно тронулись, окончательно вечер пополировать. Гусаков Алешка земляков, которые уж очень руками распространялись, пораспихал. «Не мыльтесь, братцы, бриться не будете». И, дамской сбруи не сменивши, узелок с военной шкуркой под мышку, да и к себе. Батальонный евонный через три квартала жил, – дома, не торопясь, из юбок вылезать способней...

Вылетел Алешка за ворота, подол ковшиком подобрал, дует. Снежок белым дымом глаза пушит, над забором кусты в инее, как купчихи в бане расселись. Сбил Гусаков с дождевой кадки каблучком сосульку, чтобы жар утолить. Сосет-похрустывает, снег под им так ласточкой и чирикает.

Глядь, из-за мутного угла наперерез – разлихой корнет, прибор серебряный, фуражечка синяя с белым, шинелька крыльями вдоль разреза так и взлетает... Откуль такой соболь в городе взялся? Отпускной, что ли? И сладкой водочкой от него по всему переулку полыхает...

Разлет шагов мухобойный, – раскатывает его на крутом ходу, будто черт его оседлал, – а, между прочим, и не так уж склизко. Врезался он в Алешку, ручку к бровям поднес, честь отдал.

– Виноват. Напоролся. Куда ж это вы, Хризантема Агафьевна, так поздно? И как это вас папаша-мамаша в такой час одну в невинном виде огпущают?

Ну, Алешка не сробел, в защитном дамском виде ему что ж.

– А что, – grit, – мне папаша с мамашей могут воспретить? Я натуральная сирота. А припоздала по случаю театра... И насчет тальмы не распространяйтесь, мои пульсы не для вас бьются...

Корнет, само собой, еще пуще взыграл.

– Ах, ландыш пунцовый! Да я что же. Сироту всякий военный защищать обязан... Грудью за вас лягу.

Алешка тут, конечно, поломался:

– Мне, сударь, ваша грудь ни к чему. У меня и своя неплохая.

– Ах, боже ж мой... Да я ж понимаю! А где, например, ваш дом?

– За дырявым мостом, под Лысой горой, у лешего под пятой.

– Скажи, пожалуйста... В самый раз по дороге.

И припустил за Алешкой цесарским петухом, аж шпоры свистят.

Видит Алешка – дело мат. Обернул он вокруг руки юбку, да и деру. До калитки своей добежал, к крыльцу бросился, только ключ повернул, глядь, корнет за плечами... Иного вино с ножек валит, а его, вишь ты, как окрылило.

Испужался солдат, плечом деликатно дверь придерживает.

– Уходите, ваше благородие, от греха. Дядя мой в баню ушедши. С минуты на минуту вернется, он с нас головы снимает.

– Ничего. Старички, они долго парятся. А насчет головы, не извольте тревожиться, она у меня крепко привинчена. Да и вашу придержим.

И в дверь, как штопор, ввинтился. Шинельку на пол. За

Алешку уцепился, да к батальонному в кабинетный угол дорогим званым гостем, как галка в квашню, ввалился. Выскользнул у него Алешка из-под руки. Стоит, зубками лязгает. Налетел с мылом на полотенце... А что сделаешь? Хоть и в дамском виде, однако простой солдат, – корнета коленом под пуговку в сугроб не выкатишь...

Сидит корнет на диване, разомлел в тепле, пух на губе щиплет, все мимо попадает. А потом, черт вяленый, разоблакаться стал: сапожки ножкой об ножку снял, мундир на ковер шмякнул...

Гостиницу себе нашел. Сиротский дом для мимопроходящих... Шпингалет пролетный. И все Алешку ручкой приманивает:

– Виноват, Хризантема Агафьевна, встать затрудняюсь. А вы бы рядом со мной присели. На всякий случай... У меня с вами разговор миловидный будет.

Пятится Алешка задом к дверям, будто кот от гадюки, за портьерку нырнул, – и на куфню. Дверь на крючок застебнул, юбку через голову, – будь она неладна. Из лифчика коекак вылез, рукав с буфером вырвал, с морды женскую прелесть керосиновой тряпочкой смыл, забрался под казенное одеяльце и трясется.

«Пронеси, господь, корнета, а за мной не пропадет! Нипочем дверь не открою, хочь головой бейся...» Да для верности скочил на голый пол и шваброй, как колом, дверь под ручку подпер.

А корнет покачался на пружинах, телескопы выпучил, муть в нем играет, в голове все потроха перепутались. Сирота-то эта куда подевалась? Курочка в сережках... Поди, плечики пошла надушить, дело женское.

Глянул он в уголок – видит на турецком столике чуть початая полбутылки шустовского коньяку... С колокольчиком. Потянулся к ней корнет, как младенец к соске. Вытер слюнку, припал к горлышку. «Клю-клю-клю...» Тепло в кишки ароматным кипятком вступило, – какие уж там девушки. Да и давешний заряд немалый был.

Снежок по стеклу шуршит. Барышня, поди, ножки моет, – дело женское. Ну и хрен, думает, с ней. И не таких взнуздывали.

Бурку подполковничью на себя по самое темя натянул, ножками посучил. Будто в коньячной бочке черти перекатывают. Так и заснул под колыбельный ветер, словно мышь в заячьей рукаве. Жернов – камень тяжелый, а пьяный сон и того навалистей.

* * *

На крыльце калошки-ботики скрипят. Ворчит батальонный, ключом в дырку попасть не может. Однако добился. Не любит середь ночи денщика будить... Да и без того Алешка сегодня в театре упарился.

Ввалился в дверь, в пальцы подышал. Видит, из ка-

бинет-покою свет ясной дорожкой стелется: Алешка, стало быть, ангел-хранитель, постель стлал – лампу оставил. И храп этакий оттудова залиvistый, должно, ветер в трубе играет.

Ступил подполковник Снегирев на порог, глаза протер – отшатнулся... Что за дышло! Поперек пола офицерский драгунский мундир, ручки изогнувши, серебряным погоном блещет, сапожки лаковые в шпорках, как пьяные щенки, валяются... А на отомане под евонной буркой живое тело урчит... Кто такой? По какому случаю? Сродников в кавалерии у батальонного отродясь не было... Что за гусь сквозь трубу в полночь ввалился?

Поднял он тишком край бурки, – личико неизвестное. А на корнета свежим духом пахнуло, – потянулся он, суставами хрустнул и, глаз не продирая, с сонным удовольствием говорит:

– Пришли, душечка? Ну что ж, ложитесь рядом, а я еще с полчаса похраплю...

Но тут батальонный загремел:

– Какая такая я вам душечка?! По какому такому праву вы, корнет, на мой холостой диван с неба упали и почему я с вами рядом спать должен? Потрудитесь встать по службе и короткий ответ дать!

Да бурку с него на пол.

Корнет, само собой, от трубного гласа да от ночной прохлады вскочил репкой, зеньки вытарацил... Равновесие

поймал, ручки по швам и хриплым голосом в одних носках выражает:

– Извините, за-ради бога, господин полковник, вы, стало быть, ейный дядя?

– Кому я, псу под хвост, дядя?.. Ежели вы, корнет, из сумасшедшей амбулатории сиганули, так я, слава Создателю, подполковник Снегирев, еще по потолку пятками не хожу. Кто вы такой есть и почему я вас под своей буркой как подброшенного младенца нашел?

Зарумянился корнет, однако вылезать-то из невода надо.

– К племяннице вашей я точно подкатился. Однако будьте без сумления. Все честь честью. Потому как на вокзале, по случаю заносов, застрял, – сразу к вам ввалившись, на отомане и заснул. А насчет намерений ничего у меня не было. Оне девушки хладнокровные, даже до невозможности.

Рассвирепел тут батальонный, крючок на воротничке сорвал:

– Да вы что ж это, корнет, со мной в чехарду играете?.. Отродясь у меня племянницы не было. Я человек вдовый и над собой таких надсмешек не дозволю. Да, может, вы и не корнет, а, извините, жулик маскарадный? Да я чичас всю вашу сбрую запроу, а вас к воинскому начальнику на рассвете в одних прохладных рейтузах отправлю... Эй, Алешка!..

Почернел гость залетный в лице, ан тут не взовьешься. Потерял голову – поиграй желвачком. Однако сообразил: из тылового кармана билет свой отпускной вынул. Так, мол, и

так, занапрасно позорить изволите. А насчет племянницы, бог ей судья. Либо я перепил, либо недопил, – наваждение такое вышло, что и сам начальник главного штаба карандаш пососет.

Повертел батальонный офицерскую бумажку в руках, языком цокнул, засовестился:

– Прошу покорно меня извинить. Я человек полнокровный, да и случай больно уж сверхштатный. Может, Алешка в энтот разе узелок развяжет. Эй, Алешка! Горниста за тобой спосылать, что ли?

* * *

Является, стало быть, Алешка. В темном углу у портьерки стал, шароварки оправил, руки по швам, стрункой.

Батальонный ему форменный допрос делает:

– Дома был все время?

– Так точно. На куфне, вас дожидавшись, у столика всхрапнул.

– Рожа у тебя почему в саже?

– Самоварчик для вашего высокородия ставил... В трубу дул, а оттедева от напряжения воздуха сажа в морду летит. Куда ж ей деваться?

– Ладно, не расписывай. Господина корнета видишь?

– Так точно.

– Хорошо видишь? Возьми глаза в зубки.

– Явственно обозначается. Мундир ихний и сапожки на ковре лежат, а их благородие отдельно стоять изволят. Прикажите подобрать?

– Не лезь, рукосуй, пока не спрашивают! Как их благородие к нам попал?

– В гости с вашим высокородием, надо полагать, явились. Чайку с лимоном прикажете на две персоны либо каклетки со сладким горошком разогреть?

– Погоди греть, как бы я тебя сам не взгрел... А вот теперь я тебе расскажу. Дверь я ключом сам открыл, – была на запоре. Понял?

– Так точно. Сам на два поворота замкнул. Замок у нас знаменитый.

– Так-с... Взошел в кабинет, ан у меня на отомане под буркой теплый корнет храпит. Вот они-с. Что ты на это скажешь? В замочную дырку он пролез, что ли?

– Никак нет. Замочную дырку я завсегда с унутренней стороны бляшечкой прикрываю...

Усмехнулся батальонный, да и корнет повеселел, – сел на стул сапожки натягивать. Ишь какой, мол, солдат аккуратный.

– Так-так. Мозговат ты, Алешка, да и я не на глине замешан. Каким же манером, еловая твоя голова, корнет к нам попал? Тут, брат, не замком, – чудом тут пахнет.

– Не могу знать. Насчет чудес полковой батюшка больше меня понимают. А только дозвольте разъяснение сделать.

– Говори. Ежели дельное скажешь, полтинник на пропой дам.

– Весной, ваше скородие, случай был: полковой капельмейстер по случаю полнолуния на крыше у городского головы очутились. Извольте помнить?

– Ну-с.

– Сняли их честь честью. Пожарные солдаты трехколенную лестницу привезли. Доктор полковой разьяснение сделал, будто это у них вроде лунного помрачения. Лунный свет в них играл.

– Ну-с?

– Может, и их благородию таким же манером паморки забило...

Посмотрел батальонный на корнета, корнет на батальонного, оба враз рассмеялись.

– Ну, это ты, ангел, – говорит корнет, – моей гнедой кобыле рассказывай. Какое же теперь полнолуние, луны и на полмизинца нынче нет.

– Да, может, ваше благородие, в вас это с запрошлой луны действует? Вроде лунного запоя...

Махнул тут батальонный рукой:

– Заткнись, Алешка! Не то что полтинника, гривенника ты не стоишь. Посадил корову на ястребя, а зачем неизвестно. Тащи-ка сюда каклеты. У меня от ваших чудес аппетит, как у новорожденного. Да и гость богоданный от волнения чувств пожует. Прошу покорно...

Тронулся Алешка легким жаворонком: пронесло, слава Тебе Господи. А батальонный ему в затылок:

– Стой! А чего это ты, шут, между прочим, все хрипишь? Голос у тебя в другую личность ударяет...

– Виноват, ваше скородие. Надо полагать, как в самовар дул, жилку себе от старания надсадил... Папироски на подоконнике, не извольте искать.

Да поскорее от греха два шага назад и за дверь.

* * *

Сидят, закусывают. Снежок по стеклу шуршит, каклетки на вилках покачиваются. Пожевал батальонный, к коньяковой собачке руку потянул: гнездо цело, да птичка улетела...

– Однако... И здоровы ж энти лунатики пить-то! Чокнуться даже нечем. Да вы будьте без сумления, пехота не без запаса... Эй, Алешка, гони-ка сюда зверобой, в сенях на полке стоит. Сурьезная водочка... А между прочим, корнет, здорового вы, надо быть, дрозда зашибли, допрежь того как в лунном виде под бурку мою попали. Ась?

– Так точно. По случаю заносов, на вокзале флакона два-три пристроил.

– Конечно. Чего ж их жалеть... А за племянницей неизвестного дяди полевым галопом изволили все ж таки дуть? Я по службе вас старше... Сам кобелял в свое время. Вали-те...

– Так точно. Был грех.

– А в чем она, племянница, одевши-то была?

– В черной тальме. А может, и в белой. Снег в глаза бил, и я, признаться, на раскатах очень заносился... Вот платочек запомнил: в павлиньих узорах, округ головы зеленые махры...

Затоптал батальонный каблуками, глазки залучились, по коленке корнета хлопнул.

– Так и есть. Это ж вы за племянницей нашего старшего врача лупили. В театре она на комедь смотрела... Через дом от нас живет. Ах, корнет-пистон, комар тебя забодай! Ну и хват! Ан потом снежком ее занесло, ветром сдуло, а вы в мою калитку от двух бортов с разлета и попали... Ловко. Эй, Алешка! Что ж зверобой? Протодиакона за тобой спсылать, что ли?

А Алешка за портьеркой задержался, разговор ихний слушавши. Спервоначалу так весь сосулькой и заледенел, а потом видит, какой натуральный поворот делу даден, – взошел бесстрашно, рюмками звякнул. Встал перед ими – душа на ладони – и дополнение светлым голосом сделал:

– Запаятовал, ваше скородие, виноват. Как за дровами в самую полночь в сарайчик отлучился, – черный ход на самую малость у меня был не замкнут. Может, в эту самую дистанцию их благородие к нам в лунном виде и грохнули. Больше неоткуда, потому чердак у нас изнутри замазан. Таракан и тот не пролезет.

Объяснил чистосердечно, батальонный окончательно повеселел, – военный начальник точность любит, а не то чтоб на чудесном помеле корнеты скрозь штукатурный потолок под бурку вваливались. Отпустил он Алешку сны досыпать, а сам по пятой зверобой-рюмке невинный вопрос задает:

– Ну что ж, сынок, пондравилась тебе докторская племянница? Лимон с гвоздикой.

– Так точно. Сужет приятный, да с крючка сорвалось... Руку только нацелился поцеловать, – чуть зубов не лишился. Огонь девка!

Батальонный так и покатился.

– Эх ты, выюнош скоропалительный. Да она ж горбунья! В градусах да в снежной завирушке ты и не разглядел... Ручку? Ее ж потому одну доктор из театра отпустил, что все ее в городе знают... Кто ж на такую вилокватую березу окромя мухобойного залетного корнета и польститесь?

Насупился корнет, губу щиплет. Досада... Да скорей за шестую рюмку. Зверобой конфуз осаживает, известно.

Поднял тут батальонный голову: ишь как в сенях ветер скворчит. Скрозь портьерку ему невдомек, что не в ветре тут суть, а энто Алешка, гнус, морду себе башлыком затыкает... Смех его разбирает – вот-вот по всем суставам взорвется...